

СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-СТАТУСНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЯ РОССИЯН К МИГРАНТАМ (на примере Москвы)

Наталья Петровна Космарская (natkos2003@mail.ru)

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Цитирование: Космарская Н.П. (2023) Роль социально-статусных различий в формировании отношения россиян к мигрантам (на примере Москвы). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(4): 189–215.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.4.7>. EDN: TDZXF

Аннотация. Согласно многократно протестированной в мировой науке «контактной гипотезе», контакты с мигрантами и то, как принимающее население оценивает это взаимодействие, являются важными факторами влияния на уровень ксенофобии. Статья, основанная на результатах проведенного в 2021 г. комбинированного исследования среди москвичей (опрос и полуструктурированные интервью), посвящена тому, как и почему одна из массовидных и социально значимых форм общения — профессиональное взаимодействие — становится ареной борьбы негативизма по отношению к мигрантам с позитивно-нейтральными установками.

Отвечая на проективный вопрос в ходе опроса 452 москвичей, респонденты продемонстрировали высокую степень нежелания работать вместе с приезжими из трех стран Центральной Азии, трех стран Закавказья и двух автономий Северного Кавказа. В то же время подавляющее большинство участников опроса, имеющих опыт работы с приехавшими из названных регионов, оценили ее качество в нейтральных категориях, свободных от этнических предубеждений. Взаимодействие в трудовой сфере оказалось важным каналом «позитивизации» взгляда на мигрантов, но благотворная роль производственных контактов делает их не только ресурсом, но и своего рода барьером, поскольку вряд ли возможно их повсеместное распространение. Существуют ли какие-то еще причины нежелания работать вместе с мигрантами, помимо отсутствия опыта непосредственного производственного общения? Влияет ли на позицию респондентов социальный контекст, обрамляющий использование трудовых мигрантов в России/Москве? Опрос показал также, что по всем территориям выхода, кроме Армении и Грузии, различия между степенью отрицания были близки к статистической погрешности. Означает ли это слабую чувствительность к этническим особенностям той или иной группы иноэтничных мигрантов? Или такая чувствительность отодвигается в сторону действием более сильных факторов отторжения с социальной окрашенностью? Прояснить поставленные вопросы помогает анализ интервью с москвичами. Устойчиво присутствующими в них сквозными темами стали, во-первых, теневые

практики использования труда мигрантов, направленные на консервацию особых ниш занятости, существующих за счет низкостатусных приезжих; во-вторых, описания альтернативного и более предпочтительного, по отношению к наблюдаемому, образа мигранта, который мог бы вписаться в наднациональную городскую культурную среду. Эти результаты привлекают внимание к социально-экономическим и культурным причинам возникновения мигрантофобии в виде социально-статусных различий между принимающим населением и «этническими другими».

Ключевые слова: отношение к мигрантам в Москве, контактная гипотеза, контакты на рабочем месте, реальные и проективные контакты, социально-статусные различия, коррупция при найме мигрантов, мигранты из Центральной Азии, культурные предпочтения москвичей.

Изучение восприятия иноэтничных мигрантов местными жителями давно превратилось в мировой науке в одну из ведущих тем социальных исследований. Ее актуальность велика и в России, которая после начала активной фазы трудовой миграции из постсоветских стран в начале 2000-х годов вошла в круг наиболее крупных реципиентов иностранной рабочей силы (Malakhov 2014: 1062; Round, Kuznetsova 2018: 107)¹. В поисках факторов, влияющих на уровень негативизма по отношению к мигрантам, ученые разных стран обратились в том числе к изучению контактов между последними и принимающим населением.

С дисциплинарной точки зрения такие исследования проводились в двух направлениях. У истоков первого из них, основанного на использовании экспериментальных методов социальной психологии, стоит Г. Олпорт (Allport 1954). Его работу по изучению роли контактов в гармонизации межэтнических/межрасовых отношений продолжили его многочисленные ученики и последователи². Сформулированная ими так называемая контактная гипотеза (*contact hypothesis*) считается «одной из наиболее устойчивых идей при изучении расовых и этнических отношений» (Hayes, Dowds 2006: 456). Предполагается, что любые формы общения с мигрантами (соседские, профессиональные, дружеские контакты) делают восприятие последних принимающим населением в целом более толерантным (хотя и в разной степени и при соблюдении различных условий).

---

¹ В частности, по доле зарубежных мигрантов в стране (на фоне численности всех мигрантов в мире) Россия занимает с 2005 г. третье место в мире после США и Германии (Корк 2023).

² Их научные поиски подробно описаны в обзоре Е. Варшавера: (Варшавер 2015).

Второе направление изучения роли контактов в противодействии ксенофобии — социологическое — развивалось в русле тестирования на крупных выборках тех особенностей личности индивида, которые влияют на отношение к «этнокультурным другим», в том числе к мигрантам. Речь идет о таких свойствах, как доверие к людям, готовность к проживанию в мультиэтнической среде, к общению с представителями разных рас и культур. Изучалась также зависимость наличия реальных контактов с мигрантами от силы этнических предубеждений (*ethnic prejudice*)¹.

В рамках «контактной гипотезы» особое место принадлежит воздействию производственного общения (*contacts at work*) на отношение к иноэтническим мигрантам со стороны принимающего населения. Именно такого рода контакты, наряду с соседством, выделяются на фоне других возможных форм общения, обычно тестируемых и в ходе социологического изучения воздействия реальных контактов на уровень ксенофобии, и, в проективном формате, при определении социально-культурной дистанции между людьми различной расовой (этнической) принадлежности с помощью шкалы Э. Богардуса.

С одной стороны, это брак и дружба с «этническими другими» (или готовность к такого рода человеческим связям) — отношения весьма близкие, если не интимные. Они основаны на трудноопределимой «химии», возникновение которой сложно поддается убедительным социологическим интерпретациям и в значительной степени определяется личным выбором индивида и его/ее личными особенностями. «Сдерживающая» роль воспитания, традиции, религии; представлений о «правильном» и «неправильном» с точки зрения этнической культуры тут также весьма велика. По совокупности всех этих характеристик вступает в такого рода контакты с «этническими другими» (или проявляет готовность к ним) небольшой процент принимающего населения.

На другом конце шкалы (речь идет о проективном выборе) — готовность принять «этнических других» в качестве граждан своей страны, жителей своего города и пр. Рассматривается фактически весьма абстрактная, навскидку не затрагивающая индивида ситуация, которая обычно воспринимается как довольно безобидная.

Производственные контакты и соседство (и в реальном, и в проективном смысле) находятся в середине, и именно они, не включая в себя эмпатию в качестве неперемного условия, несут на себе бремя «принуж-

---

¹ Обзор некоторых результатов изучения роли контактов в снижении уровня мигрантофобии (в Европе и России) содержится в нашей предшествующей работе: (Космарская, Пешкова, Савин 2022: 236–238).

дения» обстоятельствами, причем не только личными, но и социальными, которые имеют к тому же страновую (региональную) окраску. А потому в данном случае можно выявить чувствительные к локально-социальному контексту причины (не)желания вступать с мигрантами в те или иные формы общения и/или различных реакций на уже состоявшиеся контакты.

Имеются в виду причины, выходящие за рамки привычных «ксенофобии», «мигрантофобии», «этнических предрассудков» и подобных обобщенно-абстрактных объяснений, которые имплицитно присутствуют в исследованиях социальной дистанции и воздействия контактов на восприятие мигрантов, выступая в качестве «естественного фона» для анализа полученных процентов и выявленных статистических зависимостей. Основной целью статьи как раз и является анализ локально-социальной обусловленности восприятия россиянами реального и возможного производственного взаимодействия с иноэтничными мигрантами (на примере Москвы).

Жители крупных российских городов, в первую очередь столиц, активно привлекающих трудовых мигрантов из депрессивных российских регионов и ближнего зарубежья, по прошествии трех постсоветских десятилетий уже не только наблюдают их массовое присутствие в публичном пространстве и пользуются их услугами в качестве пассажиров, клиентов, покупателей и пр., но и довольно глубоко включены в общение с ними «по работе». Так, по материалам двух опросов в Санкт-Петербурге о восприятии горожанами иноэтничной миграции, 32,2% их участников в 2010 г. и 38,7% в 2016 г. выбрали опцию «мигранты работают в организации, где трудится респондент» (Соколов 2017: 89).

Похожая ситуация, как мы покажем ниже, отмечается и в Москве, которая с начала-середины 2000-х годов, когда поднялась волна трудовой миграции из наиболее бедных государств Центральной Азии, несет огромную миграционную нагрузку. Так, по оценкам экспертов, основной приток приезжих из Центральной Азии, с Северного Кавказа и из стран Закавказья пришелся на Москву и в целом на московскую агломерацию (Дробизева 2015: 82). Москва, в которой генерируется около 20 % российского ВВП и где сосредоточено около 15 % населения страны, город со сверхконцентрацией финансовых, хозяйственных и человеческих ресурсов, продолжает «пылесосить» рабочую силу из регионов и «южных» частей СНГ (Гринкевич 2022).

С теоретической точки зрения мы будем опираться на некоторые выводы, сделанные в рамках социологического изучения влияния контактов на восприятие иноэтничных мигрантов (Escandell, Ceobanu 2009; Hamberger, Hewstone 1997), а также на ряд положений «контактной гипотезы»

тезы», предложенных и апробированных социальными психологами. В частности, речь идет о так называемых оптимальных условиях эффективного контакта, которые были сформулированы Г. Олпортом в 1954 г., а затем в течение десятилетий экспериментально проверялись и интерпретировались его последователями.

Для целей нашего исследования наиболее интересны два условия. Во-первых, это эффект сотрудничества: контакт с членами аут-групп способствует большей толерантности принимающего населения, если люди объединены общей работой, нацелены на достижение общего результата. Это условие многократно проверено, в различных работах показано, что его соблюдение реально помогает достижению позитивного результата контакта (см.: Варшавер 2015: 189).

Во-вторых, речь идет об условии равностатусности акторов, вступающих в контакт. Здесь не все так однозначно: возникли трудности с эмпирической проверкой этого условия, а также с различным пониманием его сути у последователей Г. Олпорта. Как резюмирует Е. Варшавер в своем обзоре результатов работы социальных психологов над «контактной гипотезой», «возможно, это условие не следует интерпретировать столь строго. Его цель — отделить ситуации, в которых слуга общается с хозяином, а работодатель — с подчиненным, от ситуаций, в которые не “защиты” подобные ролевые взаимозависимости» (Варшавер 2015: 188).

В статье использованы результаты исследования, проведенного автором (совместно с И. Савиным и В. Пешковой) в 2020–2021 г. в Москве и основанного на сочетании количественных и качественных методов.

В декабре 2020 г. был проведен онлайн-опрос 452 москвичей в формате самозаполнения. Подобный формат был выбран из-за эпидемиологических ограничений и, на наш взгляд, в сложившейся обстановке был единственно возможным способом выполнить количественную программу исследования. Кроме того, в ряде экспериментальных работ показано, что данные, собранные в ходе онлайн-опросов, не отличаются от результатов, полученных при применении «классического» метода поквартирного обхода и личного анкетного интервью (см.: Некрасов 2011: 73; Шкурин 2015: 103).

Объектом исследования стали люди, родившиеся в Москве или живущие здесь достаточно долго (7 лет и более), имеющие постоянную регистрацию, жилье и работу. Территориально респонденты были распределены по всем округам столицы. Выборка была сформирована на основании статистических данных по распределению населения Москвы в соответствии с основными социально-демографическими параметрами (пол, возраст, образование) на 1 января 2020 г. Выборка получилась почти

мононациональной — около 90% респондентов ответили, что считают себя русскими. Это соответствует данным последней Всероссийской переписи населения 2010 г., где среди указавших свою национальность москвичей 91,65% составляли русские. Обработка полученных данных проводилась в программе SPSS.

Основные блоки анкеты, кроме «паспортички», включали вопросы о реальных контактах москвичей с мигрантами (дружба, соседство, профессиональное общение и др.), а также вопросы, касающиеся оценки москвичами ситуаций гипотетического взаимодействия с ними.

Нуждается в комментарии методологический вопрос о том объекте оценивания, который был предложен участникам опроса. Иными словами, как назвать в анкете тех людей, чьи контакты с москвичами интересовали организаторов опроса в первую очередь? Вполне пригодное для исследовательского языка слово «мигранты» (иноэтничные мигранты, трудовые мигранты) является термином, нагруженным негативом усилиями российских СМИ. Кроме того, каждый участник опроса мог понимать под «мигрантами» весьма разные категории людей.

Нами учитывалась также важная особенность российской ситуации: в категорию «мигрантов» массовое сознание часто включает не только давних и недавних выходцев из Закавказья и Центральной Азии, преобладающих среди международных мигрантов, но и российских граждан, визуально отличных от большей части принимающего населения (Зверева 2014; Пешкова 2017) и выглядящих в его глазах как «видимые другие» (Дробижева 2015: 82). В случае именно столичного мегаполиса в первую очередь имеются в виду представители автономий Северного Кавказа.

С учетом названных моментов при формулировке вопросов было выбрано нейтральное и четкое по смыслу словосочетание «люди, приехавшие из...», определяемое опять же через перечисление конкретных стран и регионов (Закавказье — Армения, Азербайджан, Грузия; Центральная Азия — Киргизия, Узбекистан, Таджикистан; Северный Кавказ — Чечня, Дагестан). Этот выбор позволил также прояснить вопрос о том, существует ли дифференциация предпочтений и восприимчивости респондентов по «проблемным» с точки зрения мигрантофобии этническим группам¹.

---

¹ Для того чтобы избежать возможного ассоциирования «людей, приехавших из...» не с «видимыми другими», а, к примеру, с переезжающими в Россию из Киргизии или Узбекистана русскими, в преамбуле к анкете были перечислены интересующие исследователей этнические группы из названных стран.

В рамках качественной части исследования в 2021 г. было собрано 32 полуструктурированных интервью с представителями принимающего населения Москвы. Под последними понимались люди, живущие здесь достаточно долго (не менее 7–10 лет) и имеющие постоянную регистрацию, жилье и работу. Были предприняты усилия для недопущения перекосов по полу, возрасту, уровню образования, социальному статусу информантов, а также району проживания. Информанты подбирались методом «снежного кома», с использованием социальных сетей и личных контактов исследователей. Интервью продолжались в среднем 60–90 минут, записывались на диктофон с соблюдением условий анонимности, а после расшифровки обрабатывались в системе NVIVO-12.

Следуя методологии, уже опробованной автором ранее и отраженной в предшествующих публикациях, продолжением которых является данная статья¹, при проведении интервью был избран максимально «мягкий» подход. Интерес к теме миграции и сопутствующим сюжетам не декларировался, а прямые вопросы об этом не задавались до конца интервью. В качестве нарративного толчка использовалась фраза: «Хотелось бы услышать ваше мнение о жизни в Москве, о происходящих здесь переменах, возможных трудностях; мнение о москвичах, о людях, с которыми вы общаетесь...». Вместо прямых задавались косвенные вопросы, потенциально связанные с миграцией; в частности, обсуждались изменения в населении Москвы, проблемы благоустройства, личной безопасности, качество уборки улиц, взаимодействие людей в городе, в жилых домах, на работе и пр. Эти темы обычно приводили к множественным высказываниям информантов о миграции и мигрантах².

---

¹ Имеются в виду публикации, посвященные возможностям качественных методов при изучении восприятия мигрантов россиянами с учетом локальной специфики (Kosmarskaya, Savin 2016; Космарская 2018).

² Выбирая подобную исследовательскую тактику, мы опирались на опыт Р. Брубейкера и его коллег, которые изучали качественными методами (интервью и фокус-группы) разнообразные проявления этничности в жизни обычных людей (на примере повседневного взаимодействия венгров и румын в Трансильвании). Как отмечает ученый, «мы избегали прямых вопросов об этничности и демонстрации нашего интереса к этому сюжету». При этом он ссылается на известное высказывание Т. Эриксона: «Если вы идете в поле в поисках “этнического”, вы это найдете» (Brubaker 2006: 15). Этничность является лишь одним, причем далеко не единственным, способом интерпретации и осмысления людьми социальной действительности (Brubaker 2006: 15). Феномен мигрантофобии и ксенофобии как форм этнизации и социальной иерархизации, на наш взгляд, можно трактовать аналогичным образом, поэтому для анализа этих явлений «подсказки» в ходе интервью представлялись нам неуместными.

Будем коллегами? Опрос: ответы и новые вопросы

Москвичи, судя по результатам опроса, весьма широко пересекаются в сфере профессиональных отношений с мигрантами из интересующих нас стран/регионов. Так, у 38,7 % респондентов имелись коллеги, приехавшие из стран Закавказья, у 33,4 % — из республик Северного Кавказа, у 32,5 % — из стран Центральной Азии. Вышеприведенные результаты двух опросов в Санкт-Петербурге, на первый взгляд, дают примерно такие же цифры, однако есть основания полагать, что в Москве по состоянию на конец 2020 г. степень включенности принимающего населения в профессиональное общение с «людьми, приехавшими из...» была несколько выше.

В статье Н. Соколова с анализом опросов в северной столице говорится о «присутствии мигрантов по месту работы респондента», что вряд ли можно отнести, вопреки утверждению автора, к «публичным контактам» (ключевое слово здесь — контакты) (Соколов 2017: 89). К примеру, сотрудник банка отмечает «присутствие в своей организации» узбечки, приходящей каждый день делать уборку в офисе. Тут явно не подразумеваются отношения «коллег», а в московском опросе само это слово включает в себя определенную степень взаимодействия.

Респонденты, имеющие «коллег» из стран Закавказья, Центральной Азии и автономий Северного Кавказа, отвечая на вопрос о качестве их труда, подавляющим большинством (82,2 %) оценили его в нейтральной тональности («работают не хуже и не лучше других»). Опции «работают лучше (хуже) других» выбрали 8,4 и 7,5 % участников опроса.

На этом фоне, показывающем реальную вовлеченность наших респондентов в профессиональные контакты с мигрантами и оценку деятельности последних в качестве «коллег», некоторым диссонансом, на первый взгляд, выглядят результаты ответа на проективный вопрос «Как вы отнесетесь к ситуации, если большинство ваших коллег окажутся приехавшими из перечисленных ниже стран и республик?» По всем из последних, кроме Армении и Грузии, более половины респондентов высказались отрицательно, затем по частоте идет нейтральное отношение.

Доля выбравших опции «скорее отрицательно» и «отрицательно» составила 50,9 % при оценке перспектив работы вместе с приехавшими из Киргизии («нейтрально» — 42,9 %); в случае Узбекистана — 51,9 (43,2), Азербайджана — 52,9 (40,6), Дагестана — 52,6 (42,1 %), Таджикистана — 53,3 (41,2 %), Чечни — 54,6 (39,4%). Реакция в случае Армении и Грузии несколько более мягкая — 41,6 (49,3) и 42,5 % (48,5 %) соответственно.

Совокупная доля выбравших опции «положительно» и «скорее положительно» крайне невелика — от 13,6 % в случае Армении, 6,2 % для Киргизии и, наконец, 5,3 % для Дагестана.

Интересно интерпретировать эти данные в сравнительном разрезе, привлекая ответы на близкий по смыслу вопрос в том же исследовании, а также результаты других опросов.

Так, если говорить о соседстве — форме общения, схожей с рабочими контактами по социальному обрамлению (см. выше), включенность москвичей в такие контакты по формальному критерию — наличие соседей из интересующих нас стран/регионов на этаже или в подъезде, оказалась также весьма высокой. Наличие таких соседей отметили около 57 % опрошенных (вопрос задавался не с разбивкой по регионам, а в обобщенной формулировке). При этом ответы на проективный вопрос о готовности жить рядом с соседями из конкретных стран/республик показали заметно более высокую степень принятия такой перспективы. Напомним, доля отрицательно относящихся к тому, чтобы работать с такими людьми, для всех географических зон превышала 50 % (а для Армении и Грузии — 40 %), а соответствующие цифры в случае соседства колебались на уровне одной трети или чуть выше, а для Армении и Грузии составили около 20 %.

Эти данные подтверждают устойчивый тренд, выявленный другими российскими исследованиями социально-культурной дистанции. Например, в публикации «Левада-Центра»¹ (Ксенофобия и мигранты 2022), сводящей воедино результаты пяти общероссийских опросов (с августа 2010 по декабрь 2021 г.), «готовность видеть» представителей различных этнических групп (включая интересующих нас выходцев из Центральной Азии и чеченцев) в качестве «коллег по работе» постоянно ниже, нежели в качестве соседей.

Такой тренд представляет собой отклонение от классической интерпретации шкалы Э. Богардуса и может быть объяснен со стороны соседства особенностями жизни людей в современных городах (тем более если речь идет о москвичах — в огромных многоквартирных «человейниках»), где соседство не предполагает интенсивного общения и не налагает серьезных обязательств (Космарская, Пешкова, Савин 2022: 251). Однако сопоставление массива интервью с данными опроса позволит предложить, на наш взгляд, более содержательную концептуализацию зафиксированного тренда — не через соседские контакты, что представляет общее

---

¹ Российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции «иностранного агента».

место для современных крупных городов, а с точки зрения специфики московской ситуации, в рамках которой осуществляются именно производственные контакты и людьми оценивается их (не)желательность.

Результаты анкетирования ставят и другие вопросы, которые мы попытаемся прояснить с помощью собранных интервью.

Обратимся к конкретным цифрам, показывающим оценку респондентами перспективы работать вместе с различными представителями «видимых других». К сожалению, сравнивать наш опрос с циклом опросов «Левада-Центра» не имеет смысла, и не только потому что последние базировались на общероссийской выборке. Главное в том, что в этих исследованиях пресловутая «готовность видеть в качестве коллег» рассматривалась лишь в двух вариантах — фактически это «да» и «нет».

В нашем же опросе опция «отношусь нейтрально» дала возможность выразить свое отношение очень значительной (от 48 до 40 %) доле людей, которые, не испытывая энтузиазма и/или каких-то позитивных ожиданий в связи с работой вместе с армянами, азербайджанцами, чеченцами, узбеками и пр., одновременно вряд ли могут считаться носителями эмоционально «подогретых» предубеждений и мыслят, видимо, в рамках логики «Пусть будет, какая мне разница?». В итоге опросы «Левада-Центра», из-за специфического суженного выбора опций, предложенного их организаторами, рисуют весьма мрачную картину «русской ксенофобии». Очень небольшая доля «готовых принять...», кстати, практически совпадающая с долей тех, кто выбрал опции «положительно» и «скорее положительно» в нашем опросе (5,5–6 % в случае стран Центральной Азии), резко контрастирует с почти доминирующим большинством, не готовым работать, соседствовать (не говоря уж о браке или дружбе) с представителями разных «проблемных» этнических групп.

На наш взгляд, московский опрос дает более объективную картину, причем не только из-за возможности для его участников выразить нейтрально-равнодушное мнение. Число таких людей стоит рассматривать еще и с учетом того, что сам проективный вопрос был сформулирован довольно жестко — респондентов спрашивали не просто о перспективе работать вместе с «людьми, приехавшими из...», а оказаться в ситуации, когда таких коллег будет большинство. И тем не менее процент нейтральных ответов значителен.

Если вспомнить, что отвечали на вопрос в том числе респонденты, имевшие опыт общения с такими коллегами (их около половины) и массово оценившие качество их работы нейтрально-отстраненно (работают «как все остальные»), напрашивается вывод о том, что взаимодействие в трудовой сфере оказывается важным каналом «позитивизации» взгляда

на мигрантов. Можно говорить о соблюдении одного из «оптимальных условий» Г. Олпорта — положительного влияния на восприятие «этнических других» связанности людей общей работой, достижением общего результата.

Продолжая рассуждения в стиле «стакан наполовину полон», напомним об особенности формулировки вопроса: отсутствие слова «мигрант» при описании объекта оценивания «сглаживает» возможный негатив в восприятии, ведь среди «людей, приехавших из...», в представлении опрошенных, могли быть те, кто живет в Москве давно и преуспел на пути интеграции.

Посмотрим теперь на ситуацию с позиции «стакан наполовину пуст». Позитивная роль производственных контактов делает их не только ресурсом, но и своего рода барьером, поскольку их повсеместное распространение вряд ли возможно. Между тем доля людей, с разной степенью негативизма воспринимающих перспективу работать вместе с мигрантами, весьма велика (около или свыше половины опрошенных для всех территорий выхода, кроме Грузии и Армении), и данные опроса не проясняют причин подобной позиции. Существуют ли какие-то еще объясняющие ее обстоятельства, помимо отсутствия опыта непосредственного производственного общения? Влияет ли на позицию респондентов социальный контекст, обрамляющий использование трудовых мигрантов в России/Москве?

Наконец, еще один вопрос. Если отвлечься от Грузии и Армении, выходцы из которых имеют давние традиции проживания в России и в целом хорошо интегрированы, а армян в некоторых регионах даже можно считать автохтонами, по остальным территориям выхода различия между степенью отрицания близки к статистической погрешности — 2–2,5 %. Означает ли это слабую чувствительность к чисто этническим особенностям той или иной группы «видимых других»? Или такая чувствительность имеет место, но отодвигается в сторону действием более сильных факторов отторжения с социальной окрашенностью?

Обратимся к материалам интервью для поиска ответа на сформулированные в вопросы.

**«Любой человек знает,
что мигранты занимают особую нишу работяг...»
Социальный контекст миграции**

В собранных нарративах устойчиво присутствуют две сюжетные линии, имеющие отношение к поставленным вопросам. Начнем с первой. Здесь мы имеем дело с критической оценкой информантами давно суще-

ствующих в России теневых, связанных с коррупцией практик использования труда мигрантов, в первую очередь нелегальных и/или обладающих низкой квалификацией, — практик, обусловленных интересами работодателей и фактически направленных на консервацию особых ниш занятости, существующих за счет низкостатусных приезжих.

Заметное присутствие в интервью москвичей подобных размышлений, которые фактически вывели тему с условным названием «коррупция» в разряд ключевого фонового фактора восприятия ими миграции, было зафиксировано автором еще в 2014–2015 гг., когда собирался полевой материал (совместно с И. Савиным) в ходе проекта NEORUSS¹ (Kosmarskaya, Savin 2016: 152–156; Космарская 2018: 192–196).

Москвичи могли выразить свое недовольство в свободной форме, и выявились конкретные раздражающие их сюжеты: связанный с коррупцией теневой бизнес, массовость нелегальной занятости, неэффективность работы жилищно-коммунальных служб (например, постоянное «перекладывание бордюров»). При обсуждении этих тем мигранты неизменно присутствовали, поскольку они делали заметными названные болевые точки московской социальной жизни, выступая огорчающим напоминанием о проблемах.

Понятно, что Москва, с огромным объемом задействованных здесь финансовых, производственных и трудовых ресурсов, в том числе привозных, активно реализуемыми в последнее десятилетие (с некоторым замедлением в период пандемии) программами строительства и благоустройства ярко демонстрирует описанные неблагоприятные явления. Как отметила К. Шенк, «Москва на российском фоне представляет собой квинтэссенцию отношений по поводу иммиграции» (Schenk 2013: 1446).

Тема коррупции поднималась в западных и российских работах о миграционной политике и использовании труда мигрантов в России, в том числе с учетом московской специфики (Schenk 2013; Malakhov 2014; Schenk 2021). Однако в этих публикациях ситуация обычно рассматривалась на макроуровне, с точки зрения политико-экономических и правовых механизмов. Если опыт и мнения людей затрагивались (Лисицын, Степанов 2018), то речь шла о самих мигрантах, а не о принимающем населении. Наши же исследования, напротив, показывают, как рядовые москвичи оценивают и интерпретируют сопровождающие использование труда

---

¹ Международное исследование «Национальное строительство, национализм и новый “другой” в современной России» (NEORUSS) был реализован при поддержке Исследовательского совета Норвегии (2013–2016).

мигрантов неформальные практики и как эти мнения могут влиять на их отношение к мигрантам в целом.

Несмотря на восстановление и даже превышение численности мигрантов в сравнении с уровнем до пандемии COVID-19 (Юршина 2022), остается острой проблема дефицита рабочей силы в ряде ключевых отраслей, зависимых от постоянного притока дешевого неквалифицированного труда, поставляемого в основном из Центральной Азии (строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, розничная торговля, службы доставки). Эти проблемы активно обсуждаются органами власти, в СМИ, социальных сетях, в частности в связи с тем, что владельцы бизнеса в этих отраслях не хотят слезть с «миграционной иглы», позволяющей снижать себестоимость производства за счет экономии на налогах, социальных выплатах, удлинении рабочего дня и пр. (Аминов, Андрианова, Скорлыгина 2021; Корк 2023).

Собранные в 2021 г. интервью демонстрируют выразительную преемственность по отношению к предыдущему исследованию 2014–2015 гг., проведенному с помощью идентичной методологии. Связанное с миграцией «коррупционное наполнение» социально-экономической жизни в Москве и в стране в целом сохраняется, что не дает уйти в тень данному фоновому фактору, сквозь призму которого москвичи продолжают оценивать ситуацию вокруг мигрантов (заметим, что в двух сериях интервью «мигранты» ассоциировались информантами главным образом с выходцами из Центральной Азии).

Существующее положение дел описывалось уже как рутинное, привычное («Это есть, чего скрывать; это любой человек знает, что мигранты занимают особую нишу работяг низкооплачиваемых» — мужчина, 31 г., ср.-спец. обр., штукатур), но при этом опять отмечалось, что мигранты, хотя и встроены в систему, фактически являются ее жертвами:

Я так понимаю, именно этот критерий основной у работодателей: сэкономить деньги, побольше положить себе или кому-то другому в карман. По крайней мере, этим занимаются муниципальные службы, которые по уборке Москвы. А мигранты вообще не при делах (мужчина, 48 лет, н/высш. обр., ремонтирует компьютеры).

Обращают на себя внимание также частые замечания информантов об особенностях Москвы как «стимулирующего города, где для людей очень важна статусная составляющая» (женщина, 30 лет, высш. обр., социальный работник), отсюда специфика местного рынка труда с превалярованием на многих считающихся «непрестижными» позициях низкооплачиваемых мигрантов:

Это прекрасная зарплата вообще по России, но, естественно, в Москве люди, которые могли бы работать, видимо, считают, что им это невыгодно, неудобно (женщина, 50 лет, высш. обр., дизайнер).

Размышления о теневых практиках привлечения труда мигрантов сопровождались характеристиками последних на основе личных наблюдений:

Мне кажется, вопрос с выходцами из Средней Азии сводится к тому, что его максимально раздувают для отмывания финансовых средств. Их ставят на самые низшие позиции, они живут в подвалах, делают грязную работу за копейки, это по их виду заметно (мужчина, 61 г. высш. обр., предприниматель);

Помогают они кому? Не Москве же помогают, а бизнесменам. А строят они очень некачественно. Не может неквалифицированный рабочий строить качественно, даже если бы захотел. Не зря же даже таким элементарным профессиям, как каменщик, сварщик, учиться нужно. А если он по-русски разговаривать не умеет и никогда не держал в руках ничего, кроме мотыги, какой от него получится результат? (мужчина, 38 лет, обр. высш., инженер-строитель).

Сюда едут не лучшие представители, конечно. Такие есть, но они выглядят по-другому и не идут в толпе, и они не ассоциируют себя с этими приезжими. Даже если это будет таджик, и таджик, который метет улицы, я думаю, этот постарается пройти мимо. Я уверена, что такие есть, встречалась... Просто до нас доезжают на простые работы, потому что ситуация искусственно создана. Просто не дают этим товарищам отвлечь, притечь каким-то другим людям (женщина, 33 г., высш. обр., фитнес-тренер).

Последнее высказывание, в котором возникает альтернативный и явно более предпочтительный по отношению к наблюдаемому образ мигранта, перекидывает мостик ко второй заметной в интервью сюжетной линии¹. Ее можно считать «проективной» на фоне фиксации (и критики) информантами существующих практик привлечения труда мигрантов.

---

¹ В системе NVIVO соответствующие коды оказались наиболее информационно насыщенными, т.е. содержали больше всего высказываний (*references*).

«Поговорить можно, но не хочется...»**Социально-статусные различия как основа разобщенности**

Рассказывая о «своих» и «чужих», о предпочитаемых соседях, делясь жизненными зарисовками, впечатлениями от контактов с людьми разных национальностей, информанты в качестве желаемых характеристик своих контрагентов по общению, шла ли речь всего лишь о разговоре с таксистом или о дружбе/браке детей, использовали в основном такие слова, как «воспитанность», «образованность», «грамотность», «хороший русский язык» и пр.:

Я часто общаюсь с таксистами, в основном киргизы попадались. Если видно, что люди имеют развитый кругозор, образование, то почему не пообщаться? (мужчина, 34 г., высш. обр., инженер связи);

По поводу брака сына, хотелось бы, чтобы он взял славянку, а если другой национальности, чтобы была грамотная, цивилизованная (мужчина, 61 г., высш. обр., предприниматель).

Информанты стереоскопично рисуют ситуацию, в которой позитивно воспринимается (и является целью при возможности выбора) равенство по социально-культурному признаку, а негативно — явный перепад в статусах и «культурном уровне», причем без этнической спецификации:

«Свой» человек для меня — мужчина, женщина средних лет, классического внешнего вида, брюки, рубашка. Обычный городской типаж... Это представители, похожие на меня. С такими я буду чувствовать себя безопасно. А непохожие на меня — это скорее представители не другой нации, а другого класса (мужчина, 32 г., н/высш. обр., менеджер);

И общий уровень культуры города... Даже выглядят они как-то... Их много с видом зашарпанным, зачуханным, по-русски не понимают, не говорят (женщина, 56 л., высш. обр., преподаватель вуза).

Приводимые информантами примеры реальных контактов с людьми разной этнической принадлежности говорят о той же приверженности идее социальной близости:

Инт. *Приходилось ли вам общаться с приезжими из этих республик, кроме контактов по работе?*

Инф. Да, есть такие знакомые, но люди здесь уже помногу живут, они уже такие, как москвичи (женщина, 56 л., высш. обр., библиотекарка);

Вот с кем мы хорошо общались — один человек из Таджикистана приезжал, он юрист, образованный, культурный человек, даже не скажешь, что он оттуда приехал (женщина, 50 лет, высш. обр., дизайнер).

У сына в классе много национальностей. Девочка... я даже не знаю, кто они, наверное азербайджанцы, замечательная семья. Интеллигентные кавказцы, с которыми очень приятно общаться (женщина, 41 г., ср.-спец. обр., парикмахер).

Однако это избирательное «тяготение к социально близкому» вряд ли может способствовать позитивному отношению к контактам с любыми «видимыми другими», в том числе с потенциальными коллегами. По сути, тут имеет место «снятие» этничности с повестки дня, игнорирование этого момента, это позитивное общение вопреки фактору этничности (и/или статусу мигранта), что делает такой контакт не массовидным, а скорее исключительным. Мы видим одно из проявлений той проблемы, о которой предупреждают исследователи: «Контакты на личном уровне между членами противостоящих друг другу групп могут быть позитивными, но это не окажет существенного влияния на их обобщенное мнение о членах аут-группы» (Hamberger, Newstone 1997: 186).

Описанные в интервью примеры негативных контактов также основывались на принципе социально-статусной селективности:

К курьерам из Центральной Азии мы привыкли, но бывает такое, что с ними проблема установить диалог из-за того, что они мало владеют местным языком. Это иногда раздражает (женщина, 18 л., н/высш. обр., студентка).

Информантка, рассказывая о конфликтной ситуации в школе (одноклассница внука оскорбила в его присутствии чернокожую девочку), высказывая свое возмущение отсутствием толерантности, обратилась тем не менее не к аргументам расового/этнического равноправия, а к тем же ссылкам на социально-культурную близость как основу для приязни:

Вы представляете, ну как же так? Эта девочка, она мулаточка, родители у нее из Африки, но они говорят на чистейшем русском

языке. Глубоко интеллигентные люди. Они говорят на русском языке так, как некоторые русские не говорят! (женщина, 68 л., высш. обр., пенсионер).

Со стороны мигрантов социальные перепады между ними и москвичами также ощущаются весьма остро. Вот одна из содержащихся в интервью отсылок к этому сюжету в виде красочного описания сценки в московском дворе, где находится парикмахерская:

Инф. Я бы пообщалась с дворником, но, честно говоря, он сам в шоке, что с ним общаются...

Инт. Почему?

Инф. Ну, он везет помойку... пусть там все и в пакетах... а наши девки идут нарядные на работу, все в мехах, Боря, привет!!! Стесняется он (женщина, 37 лет, ср.-спец. обр., косметолог).

Завершим эту часть статьи кратким диалогом с информантом, в котором в сжатой, метафоричной форме показана основа социально-культурной разобщенности между москвичами и массой заметных глазу мигрантов:

Инт. Что ты думаешь о приехавших в Москву?

Инф. Вот среднеазиаты — они мирные, они помогают людям жить... Без них, я думаю, уже никуда, Москва просто не проживет.

Инт. А где ты их видел последний раз?

Инф. Дворник у нас подметает. Вполне адекватный, с ним можно поговорить. Но не хочется, честно говоря.

Инт. Почему?

Инф. Да как-то... тем общих не возникает (мужчина, 47 лет, высш. обр., инженер связи).

Метафора «отсутствие общих тем» (читай: интересов, возможностей, жизненных приоритетов и пр.) демонстрирует, как на уровне обычных горожан может ощущаться и вербализироваться принадлежность последних и мигрантов к выразительно различающимся социальным группам. При этом за пределами своей оценки перспектив межличностного общения с дворником, образ которого прочно ассоциируется в условиях Москвы с выходцами из Центральной Азии, на рациональном уровне информант вполне конструктивно оценивает значимость трудового вклада мигрантов в благополучие города.

Заключение

Подведем итоги. Распространенные среди горожан представления о теневых практиках использования труда приезжих, их причинах и результатах, подкрепленные массовым присутствием в публичных городских пространствах мигрантов и мигранток с метлой, лопатой и ведром для мытья полов, при общении с которыми нет «общих тем», как раз и формируют у москвичей своего рода ментальное сопротивление перспективе быть окруженными низкостатусными мигрантами еще и на рабочем месте (хотя реальные коллеги, возможно, обладают вполне достойным социальным статусом).

Наш анализ также показывает, что социально-статусные различия выступают более значимой основой разобщенности-солидарности, нежели этнические. Добавим, что, судя по материалам интервью, собственно этническая культура, традиции, этноконфессиональная специфика различных групп мигрантов мало интересовали информантов. Имеет место своего рода нечувствительность к их этническим характеристикам (заметная и по результатам опроса), причем гораздо больше внимания уделено тому, что мы бы назвали признаками соответствия привычному, комфортному для человека социально-культурному статусу (воспитанность, образованность, развитое русскоязычие, а также «приличный», т.е. городской, внешний вид).

При этом «русский язык» для информантов — это не этнический маркер собственно русских, а в первую очередь признак приобщенности к универсальной, наднациональной урбанистической культуре, сложившейся еще в советское время и свойственной не только крупным российским городам, но и все еще столицам некоторых постсоветских стран, например Казахстана и Киргизии (Bissenova 2017).

Выраженный в интервью высокий запрос на «культуру» (в надэтническом смысле) и отторжение сопровождающего отсутствие такой культуры низкого статуса («обшарпанности») мигрантов говорят о потенциальной продуктивности концепта «неприятия бедности» (*poverty intolerance*) для анализа отношения москвичей к приезжим — отношения, которое близко описанному в литературе на примере восприятия выходцев из Латинской Америки в США (Light 2007).

Эти соображения позволяют скорректировать некоторые результаты исследования Н. Соколова в Санкт-Петербурге, посвященного «восприятию мигрантов массовым сознанием». Речь идет о подзаголовке его статьи, в котором суть позиции петербуржцев выражена в метафоре «работящие,

но чужие» (Соколов 2017: 80). На наш взгляд, более точным было бы выражение «работящие, но не ровня нам»¹.

Взаимодействие в трудовой сфере хотя и является, судя по опросу, одним из основных каналов вовлечения москвичей в контакты с проживающими в столице «видимыми другими», но этого недостаточно ни для полноценной интеграции их в московский социум, ни для выстраивания с ними таких форм общения, которые могли бы привести к более позитивному взгляду местного населения на миграцию. Вряд ли в краткой и среднесрочной перспективе можно ожидать стихийного увеличения в Москве числа хорошо интегрированных «видимых других», обладающих достаточно высокой квалификацией и, главное, заметных для большинства горожан.

Ситуация в Москве, как показывает анализ, имеет свою специфику по отношению к трактовке в теоретической модели Г. Олпорта условий, касающихся равностатусности и взаимодействия. Априорное представление о массе центральноазиатских мигрантов как о занятых преимущественно неквалифицированным трудом, плохо образованных и едва объясняющихся на русском «блокирует», через нежелание работать с ними, возможный позитивный эффект «сотрудничества» (а работа друг с другом в качестве «коллег» предполагает такое взаимодействие) в ситуации формального отсутствия перепада статусов по схеме «начальник — подчиненный» и «слуга — хозяин».

В условиях, когда подавляющая и наиболее визуализированная часть мигрантов в Москве сосредоточена в сфере низкостатусного, неквалифицированного труда, когда это обстоятельство в полной мере осознается принимающим населением и связывается им с коррупцией, «серыми» схемами и другими злоупотреблениями, трудно ожидать позитивного эффекта и от такого протестированном западной наукой фактора снижения мигрантофобии, как спорадические контакты, иными словами — «просто поговорить» (Escandell, Ceobanu 2009).

Одно дело — пообщаться с представляющим «видимых других» человеком в ситуации случайного контакта, причем нивелирующей перепад социальных статусов — на автобусной остановке, в очереди в поликли-

---

¹ Отметим, что выводы данного автора с упором на этнокультурную специфику мигрантов могли быть спроецированы самими организаторами опроса. В преамбуле к анкете содержалось следующее определение «мигрантов»: «...те, кто приехал в наш город и отличается от коренного населения по своему поведению, образу жизни, внешнему виду... главное — их культурное отличие от петербуржцев и россиян» (Соколов 2017: 80). По сути, респондентам априори были начерчены культурные границы и задано представление о «чуждости» мигрантов.

нику и пр. или же с соседями при решении каких-то домашних проблем. При этом надо помнить о высказанных информантами общекультурных предпочтениях, касающихся характеристик желательного/приемлемого партнера по общению, пусть даже спорадическому.

Однако вряд ли подобное общение принесет позитивные плоды с точки зрения сдвигов в отношении к мигрантам, если разница статусов визуализирована и осознана («мы» знаем, кто «они», «они» знают, кто «мы», как в приведенных выше примерах из личного опыта информантов), или же в ситуации, когда она «заложена» в программу общения. Имеются в виду описанные в литературе московские инициативы по локальной, на уровне двора или микрорайона, «интеграции в ходе повседневного общения», в рамках которых совместно отмечались памятные даты, устраивались «обеда с мигрантами» и т.п. (Савин 2019).

Подобные «обеда» в описанной ситуации рискуют остаться лишь формальным мероприятием с почти нулевым эффектом для гармонизации отношений между мигрантами и принимающим населением, как и похожие призывы к россиянам «здороваться по утрам со своим дворником» (Мирзаян 2021) или предложение мигрантам приготовить плов и угостить местных жителей во дворе (Макарова, Лексина 2021). Такого рода пожелания высказываются, скорее всего, из самых благих побуждений. В нынешней геополитической ситуации, когда необходимо укреплять отношения со странами Центральной Азии, причем не только и не сколько на уровне элит, а в первую очередь, при значительных миграционных потоках, на низовом уровне, ксенофобия неизбежно будет подрывать то позитивное, что есть в восприятии России населением региона. Однако упомянутыми поверхностными мерами вряд ли удастся, на наш взгляд, изменить те особенности отношения жителей крупных городов к трудовым мигрантам из Центральной Азии, которые были выявлены нашим исследованием. С учетом их глубинных причин, связанных с социальным обрамлением использования труда мигрантов, стоило бы подойти к проблеме с осознанием необходимости радикальных перемен.

Во-первых, это «разбавление» нежелательных в глазах принимающего населения черт центральноазиатских мигрантов (низкий статус, «необразованность», слабое знание русского языка) привлечением в ряды низкоквалифицированных работников, занятых трудом непрестижным, но необходимым — на стройках, в обустройстве парков и скверов, ремонте дорог, вывозе мусора и пр., заметного глазу количества приезжих из российских регионов с ограниченными возможностями заработка. Речь идет о людях, которые не воспринимались бы как «видимые другие». Задача эта очень сложна и требует серьезной перестройки сложившейся

системы на всех уровнях (включая психологический), начиная от специальных программ мобильности трудовых ресурсов до реальной борьбы с коррупцией и стремлением работодателей снижать издержки за счет самых бесправных (Мирзаян 2021). Пока же, по наблюдениям экспертов в регионах, возможности привлечения жителей провинции в те сферы занятости Москвы и других крупных городов, где традиционно работают мигранты из Центральной Азии, при существующих условиях и зарплатах близки к своему исчерпанию (Солнцева 2021).

Во-вторых, необходимо трансформировать состав трудовых мигрантов за счет привлечения в Россию квалифицированных специалистов из тех стран, где они имеются, в частности из Казахстана (Feakins, Zemnukhova 2018), а также путем значительного расширения для граждан региона льготных программ подготовки таких специалистов в наших вузах, с перспективой их последующего трудоустройства в России (Корк 2023).

Помощь России понадобится и для того, чтобы люди, целенаправленно приезжающие сюда из Центральной Азии для выполнения работ, не требующих образования и квалификации, обладали определенными знаниями об особенностях жизни в русскоязычной среде мегаполисов и на деле, а не на бумаге (хотя формально такие требования существуют) были способны объясниться на русском¹. В противном случае будет сложно переломить складывающийся негативный тренд в публичном восприятии миграции, когда криминальные эпизоды с участием мигрантов и появление данных, предполагающих рост «этнической преступности», увязываются с низким образовательным уровнем приезжих рабочих и незнанием ими русского языка (Юршина 2022, Зайнашев 2023, Зубов 2023). В условиях повышенной тревожности населения, появление новых инфоповодов криминального характера, связанных с «невоспитанными» мигрантами, неизбежно скажется на восприятии всех «видимых других» и на взаимодействии с ними как с конкретными людьми. Все это может актуализировать протестно-националистическую окрашенность социальной жизни и подорвать социально-политическую стабильность в стране.

Важным дополнением к перечисленным мерам системного характера, реализация которых вряд ли будет быстрой, могут стать усилия СМИ, местных властей, гражданского сектора и экспертов, направленные

---

¹ Планы России по договоренности с властями Киргизии построить в 2023–2025 гг. в разных регионах страны девять интернатов с русским языком обучения, станут важным шагом на этом многотрудном пути. В первую очередь они будут рассчитаны на детей трудовых мигрантов, оставленных родителями на попечение родственников (Николаев 2023).

на «очеловечивание» множества мигрантов, занятых сейчас в Москве и других крупных городах России в сфере тяжелого низкоквалифицированного труда. Это необходимо делать путем массированного распространения в публичном пространстве информации о тех, кто работает в этой сфере, причем не как о безликой массе необразованных исполнителей в грязных комбинезонах и «с метлой наперевес», а как о людях, чей труд — и раньше, и сейчас — очень нужен городу и каждому москвичу. И тогда, возможно, поприветствовать утром дворника, расчистившего площадку перед подъездом после очередного московского снегопада, станет обычным делом для многих жителей, причем независимо от того, зовут дворника Саша или Азамат.

Информация о финансировании

Исследование выполнено в рамках проекта № 20-011-31684 «Контакты с мигрантами как фактор воздействия на уровень ксенофобии в России (на примере Москвы)», 2020–2021 гг., при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ.

Литература

Варшавер Е.А. (2015) Теория контакта: обзор. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5: 183–214.

Дробужева Л.М. (2015) Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве. *Социологические исследования*, 11: 80–90.

Зверева Н. (2014) Дискурсы о мигрантах в современной российской прессе: стратегии борьбы за значение. *Новое литературное обозрение*, 4: 88–96.

Космарская Н.П. (2018) «Коррупция», «толпы» и «лезгинка»: региональная специфика отношения россиян к мигрантам (на примере Москвы и Краснодара). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2: 187–213.

Космарская Н.П., Пешкова В.М., Савин И.С. (2022) Москва — город контактов? Форматы и масштабы взаимодействия москвичей с мигрантами. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2: 233–256. <https://doi.org/1014515/monitoring.2022.2.1920>.

Лисицын П.П., Степанов А.М. (2018) Формы взаимодействия низкоквалифицированных мигрантов и работодателей в принимающих обществах (на примере России, Греции и Франции). *Журнал исследований социальной политики*, 4: 611–626.

Некрасов С.И. (2011) Сравнение результатов онлайн- и офлайн-опросов (на примере анкет разной сложности). *Социология: 4М*, 32: 53–74.

Пешкова В.М. (2017) Дискурсы о «диаспорах» в современной российской федеральной прессе. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1: 61–79.

Савин И.С. (2019) Практики локальной интеграции разнокультурных сообществ как поле экспериментов (на примере Москвы). *Вестник антропологии*, 1: 54–66.

Соколов Н.В. (2017) Работящие, но чужие: парадокс восприятия мигрантов массовым сознанием (по результатам исследований в Санкт-Петербурге). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1: 80–96.

Шкурин Д.В. (2015) Сравнительная оценка качества данных офлайн- и онлайн-опросов. *Дискуссия*, 8: 101–104.

Allport G.W. (1954) *The Nature of Prejudice*. Cambridge, MA: Beacon Press.

Bissenova A. (2017) The Fortress and the Frontier: Mobility, Culture, and Class in Almaty and Astana. *Europe-Asia Studies*, 69(4): 642–667.

Brubaker R., Feischmidt M., Fox J., Grancea L. (2006) *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*. Princeton: Princeton University Press.

Feakins M., Zemnukhova L. (2018) «I'm not a Gastarbeiter Anymore»: Liminal Mobility of Young Kazakh IT Professionals in Russia. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*, 39(5): 752–766.

Escandell X., Ceobanu A.M. (2009) When Contact with Immigrants Matters: Threat, Interethnic Attitudes and Foreign Exclusionism in Spain's Comunidades Autónomas. *Ethnic and Racial Studies*, 32(1): 44–69.

Hamberger J., Hewstone M. (1997) Inter-Ethnic Contact as a Predictor of Blatant and Subtle Prejudice: Tests of a Model in Four West European Nations. *British Journal of Social Psychology*, 36(2): 173–190.

Kosmarskaya N., Savin I. (2016) Everyday Nationalism in Russia in European Context (Moscow Residents' Perceptions of Ethnic Minority Migrants and Migration). In: Kolstø P., Blakkisrud H. (eds.) *The New Russian Nationalism, 2000–2015: Imperialism, Ethnicity, Authoritarianism*. Edinburgh: Edinburgh University Press: 132–159.

Light I. (2007) The Informal Economy Buffer, Migration Chains, and Poverty Intolerance. *City and Community*, 6(3): 245–248.

Malakhov V.S. (2014) Russia as a New Immigration Country: Policy Response and Public Debate. *Europe-Asia Studies*, 66(7): 1062–1079.

Round J., Kuznetsova I. (2018) States of Exception in a Super-Diverse City: the Compromised Mobility of Moscow's Labor Migrants. In: Laruelle M., Schenk C. (eds) *Eurasia on the Move. Interdisciplinary Approaches to a Dynamic Migration Region*. Washington, D.C.: The George Washington University: 107–118.

Schenk C. (2013) Controlling Immigration Manually: Lessons from Moscow (Russia). *Europe-Asia Studies*, 65(7): 1444–1465.

Schenk C. (2021) Producing State Capacity Through Corruption: The Case of Immigration Control in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 37(4): 303–317.

Источники

Аминов Х., Андрианова Д., Скорлыгина Н. (2021) Куда ведет российскую строительную отрасль зависимость от иностранных рабочих. *Коммерсант*. 2021, 25 июня [<https://www.kommersant.ru/doc/4870074?query>] (дата обращения: 12.04.2023).

Гринкевич В. (2022) Почему Москва продолжает втягивать в себя людские ресурсы со всего СНГ? *Профиль*. 2022, 16 июня [<https://profile.ru/society/pochemu-moskva-prodolzhaet-vtyagivat-v-sebya-ljudskie-resursy-so-vsego-sng-1101615/>] (дата обращения: 12.04.2023).

Зайнашев Ю. (2023) Почему мигранты стали совершать больше преступлений. *Взгляд*. 2023, 11 апреля [<https://vz.ru/society/2023/4/11/1206938.html>] (дата обращения: 18.04.2023).

Зубов М. (2023) Детям мигрантов надо помочь заговорить по-русски. *Эксперт*. 2023, 7 июня [<https://expert.ru/2023/06/7/detyam-migrantov-nuzhno-pomoch-zagovorit-po-russki/>] (дата обращения: 12.06.2023).

Корк Б. (2023) Зачем России мигранты? *Эксперт*. 2023, 15 мая [<https://expert.ru/expert/2023/20/zachem-rossii-migranty/>] (дата обращения: 17.05.2023).

Ксенофобия и мигранты (2022) *Левада-Центр*. 2022, 24 января [<https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/?fbclid=IwAR1liB4TEcFTzt88I7g0RdTFKG-07Tg6dRRS8F2pKHicad3s8R0Gs4Nkl28>] (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранным агентом»).

Макарова Н., Лексина Е. (2021) Как решить проблему мигрантских общежитий в России. *Взгляд*. 2021, 14 сентября [<https://vz.ru/incidents/2021/9/14/1118834.html>] (дата обращения: 20.04.2023).

Мирзаян Г. (2021) Зачем России становиться комфортной для мигрантов? *Взгляд*. 2021, 13 мая [<https://vz.ru/opinions/2021/5/13/1098462.html#comments>] (дата обращения: 15.05.2021).

Николаев П. (2023) На фоне спорного закона: Мишустин сообщил о планах создать в Киргизии девять русских школ. *Газета.ру*. 2023, 7 июня [<https://www.gazeta.ru/politics/2023/06/07/17105252.shtml>] (дата обращения: 8.06.2023).

Солнцева А. (2021) Охота за чернорабочими. Об инициативе депутатов по замене мигрантов вахтовиками из российских регионов. *Газета.ру* 2021, 24 октября [<https://www.gazeta.ru/comments/column/solnceva/14123659.shtml>] (дата обращения: 12.02.2023).

Юршина М. (2022) Нужно ли менять законы из-за притока мигрантов в Россию. *Профиль*. 2022, 6 сентября [<https://profile.ru/society/menyat-lizakonodatelstvo-iz-za-pritoka-trudovyh-migrantov-v-rossiju-1154111/>] (дата обращения: 12.02.2023).

IMPACT OF SOCIAL DIVISIONS ON PERCEPTION OF MIGRANTS AMONG THE POPULATION OF RUSSIA (THE CASE-STUDY OF MOSCOW)

Natalya Kosmarskaya (natkos2003@mail.ru)

Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Citation: Kosmarskaya N.P. (2023) Rol sotsial'no-statusnykh razlichiy v formirovanii otnosheniya rossiyan k migrantam (na primere Moskvyy) [Impact of social divisions on perception of migrants among the population of Russia (The Case-Study of Moscow)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(4): 189–215 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.4.7>. EDN: TDZKXF

Abstract. According to the «contact hypothesis» tested many times in the global academia, contact with migrants and how the host population evaluates this interaction are among the most important factors influencing the level of xenophobia. Based on the results of a combined study of Muscovites (a survey and semi-structured interviews) carried out in 2021, the article looks at how and why one of the most popular and socially significant form of communication — professional interaction — becomes an arena of struggle between negativism towards migrants and positive-neutral attitudes.

In response to a projective question during a survey of 452 Muscovites, the respondents indicated a high degree of unwillingness to work together with the newcomers from three countries of Central Asia, three countries of the South Caucasus, and two autonomous republics of the North Caucasus. At the same time, the overwhelming majority of survey participants who had the experience of working with newcomers from the above regions assessed quality of their activity in neutral categories, free from ethnic prejudice. Interaction in the labor sphere proved to be an important channel for «positivizing» perception of migrants, but the beneficial role of work contacts makes them not only a resource, but also a kind of barrier, since it is unlikely that they would spread everywhere. Are there any other reasons for not wanting to work with migrants besides the lack of experience of direct work contacts? Does the social context surrounding the use of migrant workers in Russia/Moscow affect respondents' attitudes? The survey also showed that for all territories of origin, with the exception of Armenia and Georgia, the differences in the degree of denial were close to the statistical margin of error. Does this mean there is little sensitivity to the ethnic characteristics of this or that group of labor migrants? Or is this sensitivity pushed aside by stronger rejection factors with social overtones?

An analysis of interviews with Muscovites helps to clarify these questions. The cross-cutting themes steadily present in informants' narratives were, firstly, shadow practices of migrant labor use, aimed at preserving special niches of employment that exist at the expense of low-status migrants; secondly, descriptions of an alternative and more

preferable, in relation to the observed, image of a migrant who could fit into a cosmopolitan urban cultural environment. These results draw attention to the socio-economic and cultural causes of migrant-phobia, in the form of social/status divisions between the host population and the «ethnic others» in the city.

Keywords: attitudes to migrants in Moscow, contact hypothesis, contacts at work, real and projective contacts, social/status divisions, migrants from Central Asia, corruption, cultural preferences of Muscovites.

Funding information

The study was carried out within the framework of project No. 20–011–31684 “Contacts with migrants as a factor influencing the level of xenophobia in Russia (on the example of Moscow)”, 2020–2021, with financial support from the Russian Foundation for Basic Research and EISR.

References

- Allport G.W. (1954) *The Nature of Prejudice*. Cambridge, MA: Beacon Press.
- Bissenova A. (2017) The Fortress and the Frontier: Mobility, Culture, and Class in Almaty and Astana. *Europe-Asia Studies*, 69(4): 642–667.
- Brubaker R., Feischmidt M., Fox J., Grancea L. (2006) *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*. Princeton: Princeton University Press.
- Drobizheva L.M. (2015) Potentsial mezhnatsional'nogo soglasiya: osmyslenie ponyatiya I sotsial'naya praktika v Moskve [Potential of Interethnic Harmony: Understanding the Concept and Social Practice in Moscow]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 11: 80–90 (in Russian).
- Feakins M., Zemnukhova L. (2018) «I'm not a Gastarbeiter Anymore»: Liminal Mobility of Young Kazakh IT Professionals in Russia. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*, 39(5): 752–766.
- Escandell X., Ceobanu A.M. (2009) When Contact with Immigrants Matters: Threat, Interethnic Attitudes and Foreign Exclusionism in Spain's Comunidades Autónomas. *Ethnic and Racial Studies*, 32(1): 44–69.
- Hamberger J., Hewstone M. (1997) Inter-Ethnic Contact as a Predictor of Blatant and Subtle Prejudice: Tests of a Model in Four West European Nations. *British Journal of Social Psychology*, 36(2): 173–190.
- Kosmarskaya N., Savin I. (2016) Everyday Nationalism in Russia in European Context (Moscow Residents' Perceptions of Ethnic Minority Migrants and Migration). In: Kolstø P., Blakkisrud H. (eds.) *The New Russian Nationalism, 2000–2015: Imperialism, Ethnicity, Authoritarianism*. Edinburgh: Edinburgh University Press: 132–159.
- Kosmarskaya N.P. (2018) «Korrupsiya», «tolpy» i «lezginka»: regional'naya spetsifika otnosheniya rossiyan k migrantam (na primere Moskvy i Krasnodara) [«Corruption», «Crowds», and «Lezginka»: Regional Specifics of Attitudes Towards Migrants in Present-Day Russia (The Case-Study of Moscow and Krasnodar)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2: 187–213 (in Russian).
- Kosmarskaya N.P., Peshkova V.M., Savin I.S. (2022) Moskva — gorod kontaktov? Formaty I masshtaby vzaimodeystviya moskvichey s migrantami [Is Moscow a City of

Contacts? Formats and Scale of Muscovites' Interaction with Migrants]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2: 233–256. <https://doi.org/1014515/monitoring.2022.2.1920> (in Russian).

Light I. (2007) The Informal Economy Buffer, Migration Chains, and Poverty Intolerance. *City and Community*, 6(3): 245–248.

Malakhov V.S. (2014) Russia as a New Immigration Country: Policy Response and Public Debate. *Europe-Asia Studies*, 66(7): 1062–1079.

Nekrasov S.I. (2011) Sravnenie rezul'tatov online i offline oprosov (na primere anket raznoy slozhnosti) [Comparison of Results of Online- and Offline-Surveys (Using Questionnaires of Different Complexity)]. *Sotsiologiya 4M* [Sociology 4M], 32: 53–74 (in Russian).

Peshkova V.M. (2017) Diskursy o «diasporakh» v sovremennoy rossiyskoy federal'noy presse [Diaspora Discourses in Contemporary Russian Federal Press]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 1: 61–79 (in Russian).

Round J., Kuznetsova I. (2018) States of Exception in a Super-Diverse City: the Compromised Mobility of Moscow's Labor Migrants. In: Laruelle M., Schenk C. (eds.) *Eurasia on the Move. Interdisciplinary Approaches to a Dynamic Migration Region*. Washington, D.C.: The George Washington University: 107–118.

Savin I.S. (2019) Praktiki lokal'noy integratsii raznokul'turnykh soobshchestv kak pole eksperimentov (na primere Moskvy) [Practices of Local Integration of Multicultural Communities as Experiments' Ground (The Case-Study of Moscow)]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], 1: 54–66 (in Russian).

Schenk C. (2013) Controlling Immigration Manually: Lessons from Moscow (Russia). *Europe-Asia Studies*, 65(7): 1444–1465.

Schenk C. (2021) Producing State Capacity Through Corruption: The Case of Immigration Control in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 37(4): 303–317.

Shkurin D.V. (2015) Sravnitel'naya otsenka kachestva dannykh offline i online oprosov [Comparative Estimate of Quality of the Data Received Through Offline- and Online-Surveys]. *Diskussiya* [Discussion], 8: 101–104 (in Russian).

Sokolov N.V. (2017) Rabotyashchie, no chuzhiye: paradoks vospriyatiya migrantov massovym soznaniem (po rezul'tatam issledovaniya v Sankt-Peterburge) [Hard-Working but Outsiders: Paradox of Perception of Migrants by Mass Consciousness (the Case of St. Petersburg)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 1: 80–96 (in Russian).

Varshaver E.A. (2015) Teoriya kontakta: obzor [Contact Theory: Review]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 5: 183–214 (in Russian).

Zvereva N. (2014) Diskursy o migrantakh v sovremennoy rossiyskoy presse: strategii bor'by za znachenie [Discourse on Migrants in the Contemporary Russian Media: Strategies of Struggle for the Meaning]. *Novoye literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 4: 88–96 (in Russian).